

В комнате повисло тяжелое, давящее оцепенение.

—... Я почувствовал в ваших покоях дыхание скверны, — дрожащим от волнения голосом произнес Е Хуай, едва сдерживая слезы. — Я... я испугался за вас... Наставник, клянусь, я не хотел вам мешать...

Цзян Ту устало прижал ладонь ко лбу. Объяснять все Е Хуаю сейчас — только время терять. Решив пока проигнорировать ученика, он холодно бросил гостю:

— Продолжай.

Сюэлянь почтительно склонился, коснувшись лбом пола.

— Старейшины Горы Просветленного Сердца считают, что за сегодняшним мятежом стоит Ци Лунси. Я готов отдать собственную жизнь в обмен на его спасение. Умоляю, сохраните ему жизнь.

— Пусть в нем теплится хотя бы слабый вздох — лишь бы он выжил. Клянусь, когда все закончится, я выполню любое ваше повеление. Кого бы вы ни приказали убить — я заберу его жизнь, кем бы он ни был.

Будто в подтверждение его слов, за окном внезапно возник силуэт механической птицы.

Заложенная в нее программа требовала постучать в стекло, но створка окна, которую Сюэлянь открыл ранее, оказалась распахнута. Потеряв равновесие, птица нелепо склонила голову набок и кувырком ввалилась в комнату.

Она сердито и хрипло заскрежетала, выражая явное недовольство. Сюэлянь воспользовался заминкой и мгновенно обратился черным котом, а Цзян Ту, среагировав быстрее молнии, подхватил его за шкурку и спрятал в широких складках своих одежд.

Птица встрепенулась, шурша резными деревянными перьями, и монотонно застрекотала:

— Гора... кхм... Просветленного Сердца... поймала злодея. Приглашаем... в час Крысы... прибыть к башне... дабы узреть казнь.

Закончив вещать, птица зыркнула по сторонам бусинками глаз с неприкрытым презрением, шумно захлопала крыльями и грациозно взмыла в ночное небо.

Как только вестник скрылся из виду, Цзян Ту бесцеремонно опустил Сюэляня обратно на пол. На его лице не отразилось ни единой эмоции.

— Твоя жизнь для меня не имеет ценности. Если я того пожелаю, на всей Горе Просветленного Сердца не найдется человека, которого я не смог бы прикончить сам. К чему мне твои услуги?

Слова прозвучали беспощадно, с леденящим душу безразличием. В этот миг казалось, что на тахте восседает вовсе не скромный старейшина одного из кланов Среднего царства, а сам Владыка преисподней, карающий грешников в мрачных безднах ада.

Зеленые кошачьи глаза Сюэляня испуганно сузились. Не смея подняться, он продолжал лежать ниц, отчаянно подавляя дикое желание сорваться с места и сбежать прочь.

Будь он сейчас в облике зверя, его длинный угольно-черный хвост наверняка вздыбился бы от ужаса.

Цзян Ту смерил его холодным взглядом сверху вниз.

— Докажи мне свою полезность. Или...

Он не договорил, лишь выразительно скользнул взглядом в сторону приоткрытого окна. Намек был предельно ясен: убирайся.

Сюэлянь с трудом сглотнул, собираясь с мыслями:

— Бессмертный владыка Куньянь стоит на пороге гибели. Внутри ордена вспыхнула яростная борьба за власть. Даже если вы не желаете вмешиваться в эту усобицу...

Он резко повернулся к застывшему в дверях Е Хуаю:

— ...появление Кости Циляня на Горе Просветленного Сердца означает, что остаться в стороне вам все равно не удастся.

— Накануне Ритуала восполнения небес в ордене тайно объявился чужак, — продолжил Сюэлянь, почувствовав, что у него наконец появился весомый аргумент для переговоров. Он заставил себя прямо взглянуть на Цзян Ту. — Он пообещал старейшинам семьи Ци помочь пробудить мощь Кости Циляня. Этот негодяй все еще здесь, на горе, и его главная цель — Е Хуай. Все выходы сейчас перекрыты, а связь с Лестницей Долголетия разорвана. Но я знаю тайную тропу.

Взгляд Цзян Ту остался абсолютно ровным — холодным, непроницаемым, без малейшего намека на удивление или страх.

«Неужели я ошибся? — пронеслось в мыслях у Сюэляня. — Я ведь думал, что Е Хуай — его слабое место. Или Владыке действительно плевать на жизнь и смерть этого мальчишки?»

Секунды тянулись мучительно долго. Сюэлянь уже извелся от неопределенности, когда Цзян Ту наконец нарушил молчание:

— Чужак, говоришь?

— Да! — поспешно закивал Сюэлянь. — Человек в черном балахоне и маске, скрывающей лицо.

В памяти Цзян Ту тут же воскрес образ таинственного незнакомца в черном.

На лице Цзян Ту наконец проступили едва заметные эмоции. Он переглянулся со своим учеником, по-прежнему стоявшим у дверей.

— Пока стоит Гора Просветленного Сердца, нам не укрыться от чужих интриг, — в его голосе прозвучала беспощадная, стальная решимость.

Иными словами, бежать он не собирался.

Сюэлянь почувствовал, как вокруг него заструился ледящий могильный холод.

Однако следующее решение Цзян Ту застало его врасплох:

— Веди меня к этому человеку в черном.

Сюэлянь яростно закивал:

— Стоит вам спасти Ци Лунси, и я тут же отведу вас к нему!

Цзян Ту не любил долгих уговоров:

— Договорились. Жди снаружи.

Получив дозволение уйти, Сюэлянь почтительно поклонился и покинул покои. Тень черного кота бесшумно скользнула в окно, мгновенно растворившись в зыбком лунном свете.

В комнате остались лишь Цзян Ту, сидевший на тахте, скрестив ноги, и Е Хуай, который все еще топтался у входа, сердито понутив голову и пряча обиженно покрасневшие глаза.

Цзян Ту бросил на него короткий взгляд:

— Чего стоишь? Подойди.

— Здесь воняет кошатиной, — недовольно буркнул Е Хуай.

Он с детства терпеть не мог кошек. Эти твари вечно мнили себя хозяевами положения, смотрели на всех свысока и пускали в ход когти при любом удобном случае.

Мысль о том, как близко этот наглый призрачный зверь только что прижимался к наставнику, заставляла Е Хуая буквально закипать от ярости.

«Чистейшей воды зависть! Повадился тереться у самых ног... Этот паршивец наверняка уловил тонкий, едва уловимый аромат, исходящий от наставника!»

«Мерзкое отродие!»

Глядя на его надутый вид, Цзян Ту без труда разгадал причину этой вспышки ревности, однако комментировать чужие капризы не стал. Вместо этого он спокойно произнес:

— Налей мне чаю, я хочу пить.

Все еще дуясь, Е Хуай неохотно побрел к чайному столику.

Он протянул пиалу. В подернутой паром воде отразились выразительные глаза Цзян Ту, а плавающий на поверхности чайный лист слегка исказил и смягчил их очертания.

— Страшно? — неожиданно тихо спросил Цзян Ту.

Е Хуай почтительно склонился, удерживая пиалу обеими руками:

— Наставник, позвольте вашему ученику поднести вам чаю.

За годы, проведенные вместе, они научились понимать друг друга без лишних слов. По одному лишь твердому жесту юноши Цзян Ту сразу понял его ответ.

«Не страшно».

Это радовало. Цзян Ту с тайной гордостью оглядел ученика. Когда-то этот мальчишка при виде призрачного огонька с писком прятался у него на груди. Во время обряда посвящения он точно так же, трепеща от волнения, подносил ему чай. Но время пролетело незаметно — и вот перед ним уже взрослый, сильный воин, готовый встретить любую опасность лицом к лицу.

Для простых смертных три года — срок ничтожно малый, но как сильно все может измениться за это время.

Убедившись, что Е Хуай не собирается отступить, Цзян Ту окончательно утвердился в своем плане. Он принял чашу из рук ученика и осушил ее одним глотком.

Е Хуай аккуратно забрал пустую пиалу. Цзян Ту поднялся с тахты и будничным тоном скомандовал:

— Принеси мои ночные одежды.

Е Хуай поспешно кивнул и направился к сундуку, а Цзян Ту тем временем принялся развязывать пояс широкого халата.

Их повседневные халаты — ученическое одеяние Ордена Прихода и Ухода — отливали молочной белизной с едва заметным зеленоватым оттенком молодой листвы. Когда эта свободная одежда соскользнула с плеч Цзян Ту, обнажилось его нижнее алое платье. Контраст был разительным — словно из-под тающей ледяной корки пробилось яростное, чистое пламя.

Е Хуай украдкой, затаив дыхание, наблюдал за ним в неверном лунном свете.

«Какое счастье, что наставник равнодушен к пустякам и не стал допытываться, что именно я имел в виду, когда сгоряча пролепетал про «помеху»».

«И еще большее счастье, что этот облезлый котяра явился лишь с просьбой, а не потому, что... наставник завел себе кого-то на стороне».

За годы обучения в ордене Е Хуай часто общался со сверстниками и, конечно, краем уха слышал об их амурных делах и мирских соблазнах. Однако Цзян Ту твердо вел его по Пути Бесстрастия. Любые плотские утехы и праздные развлечения были под строжайшим запретом на Пике Плывущих Облаков, и до недавнего времени юношу это ничуть не заботило.

«Я ведь искренне верил, что мой разум чист и непоколебим».

«Но на самом деле...»

«Я ведь уже... предавался постыдным ласкам в темноте, прижавшись к стене».

«Представлял его лицо... ловил фантомные отголоски его прохладного дыхания... вспоминал тепло его тонких пальцев с изящными суставами, когда он бережно сжимал мою ладонь, направляя клинок во время тренировок...»

«Хватит! Е Фэнчжуй, немедленно прекрати! Иначе ты снова...»

Е Хуай с силой тряхнул головой, отгоняя наваждение и пытаясь утихомирить сладостный жар, вновь начавший разливаться по телу.

— Неси одежды и переодевайся сам, — прервал его метания ровный голос Цзян Ту. Он прищурился: — О чем ты так усердно размышляешь?

— Да так, ни о чем! — поспешно выпалил Е Хуай, густо покраснев.

Внутренне он похолодел от ужаса. Неужели глупая ревность и страх потерять наставника настолько затуманили его разум, что он напрочь позабыл о бдительности?

Цзян Ту не стал допытываться. Быстро облачившись в темные одежды, он прислонился к стене и принялся наблюдать, как его нерадивый ученик в панике возится со своим снаряжением.

У Е Хуая все валилось из рук: то воротник зацепится за высокую шпильку в волосах, то завязки перепутаются так, что он едва не стреножил сам себя.

Покачав головой от безвыходности, Цзян Ту поманил его пальцем:

— Подойди ближе. Я помогу.

Е Хуай послушно сделал несколько шагов и замер прямо перед ним, загородив свет плечистой, мощной фигурой.

«А ведь он снова вытянулся», — мысленно отметил Цзян Ту.

«... Зачем только я в это ввязался? — мелькнуло раздражение. — Пусть бы и дальше выпутывался из этого кокона, как шелкопряд».

Впрочем, ворчание осталось лишь в мыслях. Цзян Ту уверенно поправил воротник и мягкими, точными движениями ладоней разгладил складки плотной ткани на груди и плечах юноши.

Тело Е Хуая дышало первобытной, дикой силой хищника. Под тонкой кожей перекачивались упругие, литые мышцы без капли лишнего жира. На его фоне силуэт Цзян Ту казался изящным и даже хрупким.

Цзян Ту, заметив это, недовольно прищурился и ощутимо хлопнул ученика по плечу, затягивая пояс покрепче.

Пока наставник приводил его одеяние в порядок, Е Хуай судорожно сглатывал, боясь даже вздохнуть.

Пальцы Цзян Ту были прохладными и длинными. Это ледящее прикосновение должно было остудить пыл, но Е Хуаю казалось, что каждое скольжение чужих рук оставляет на его коже невидимый огненный след.

К счастью, наставник не обратил внимания на его замешательство. Закончив с узлами, он тут же отвернулся и сосредоточенно вгляделся в темноту за окном.

В бледном сиянии луны на ветке старого дерева дремала крошечная пичуга. Стоило Цзян Ту обратить на нее свой тяжелый взгляд, как птица испуганно встрепелась, готовясь взлететь.

Но Цзян Ту оказался быстрее. Неуловимым щелчком пальцев он послал вперед алый лепесток. Острая, как бритва, духовная искра вонзилась птице точно под лопатку. Несчастная тварь даже не успела упасть на землю — поток чистой энергии беззвучно стер ее тело в порошок прямо в воздухе.

Е Хуай изумленно замер, недоуменно переводя взгляд с наставника на пустую ветку.

— Думаешь, я проявил бессмысленную жестокость, прикончив беззащитную птаху? — ровным тоном спросил Цзян Ту.

— Нет, что вы! — испуганно замотал головой Е Хуай. — Я никогда бы не посмел осуждать вас, наставник. Если вам угодно пролить кровь, я приму смерть от вашей руки без единого слова... К тому же я знаю, что вы милосердны к бессловесным тварям. Мне просто любопытно, чем она заслужила такую участь.

«С чего он вообще взял, что я люблю животных? — мысленно поморщился Цзян Ту. — Хотя, если подумать, его окружает сплошной зверинец: бестолковый божественный лекарь Байцзэ, недотепа Чэн Жан и этот упрямый цилинь перед ним. И каждый глуп настолько, что седых волос не оберешься».

— Ты заметил, как долго этот «гость» караулил нас за рамой? — прищурился Цзян Ту.

Е Хуай на мгновение задумался, и его осенило:

— Слежка... из ордена?

Цзян Ту кивнул. Местные старейшины не брезговали никакими методами шпионажа, заполонив всю округу своими шпионами-марионетками. Поначалу он лишь притворялся спящим, поскольку загодя накрыл дом мощной невидимой преградой — никакие уловки лазутчиков не позволили бы заглянуть внутрь покоев.

Но появление Сюэляня спутало карты. Семья Ци ни в коем случае не должна была узнать, что черный кот выходил с ними на связь.

Впрочем, дурная слава безжалостного старейшины Ордена Прихода и Ухода давно шла впереди него. Одним трупом больше, одним меньше — какая разница?

О чужих пересудах Цзян Ту никогда не беспокоился. Он лениво взмахнул ладонью, призывая из пустоты простую нефритовую шпильку, и небрежным движением заколол длинные волосы на затылке.

Так будет сподручнее.

Встретившись с преданным взглядом Е Хуая, который по-прежнему не сводил с него глаз, Цзян Ту раздраженно вздохнул:

— Приведи прическу в порядок. Тебе уже не десять лет, чтобы я возился с твоими кудрями.

«Ладно бы ему было двенадцать, но в шестнадцать пора бы научиться обходиться без нянек».

Е Хуай, разумеется, не посмел признаться, что попросту залюбовался наставником. Мысленно отругав себя за непозволительные, дерзкие помыслы, он торопливо стянул волосы простым кожаным ремешком.

Едва ученик закончил, Цзян Ту бесшумным скользящим движением выпрыгнул в окно.

Е Хуай смотрел ему вслед, пока изящный темный силуэт не растворился в ночной мгле.

А может, то была не мгла, а сама ночь, благоговейно уступавшая дорогу его смертоносной силе.

Взгляд юноши сделался пугающе мрачным.

Он до боли сжал висевшую на поясе нефритовую подвеску. Третий ранг совершенствования — предел мечтаний для большинства заклинателей, но для того, чтобы защитить человека, который вел его за собой, этой жалкой силы не хватало.

Что еще хуже, внизу живота поднималась вязкая волна жара, застилая разум дурманящей пеленой.

Он никак не мог взять в толк, откуда берется это наваждение. Лишь услышав нетерпеливый полусшепот Цзян Ту с улицы, юноша торопливо зашептал заклинание чистой души и поспешил

вслед за учителем.

Тьма словно расступалась перед ним, не смея коснуться подола его одежд.

Остановившись под тенью широкого карниза, он замер.

Спустя мгновение густой мрак у стены зашевелился, сгустился и принял очертания черного кота.

Сюэлянь огляделся по сторонам мерцающими зелеными глазами. Не обращая внимания на испепеляющий взгляд Е Хуая, он мягко запрыгнул Цзян Ту на плечо.

Цзян Ту подставил ладонь. Кот приоткрыл пасть, и на его пальцы скользнула небольшая пластина.

Тонкая золотая пластина с выгравированными иероглифами «Гора Просветленного Сердца» оказалась неожиданно тяжелой.

На металле поблескивала свежая, теплая кровь, пачкающая кожу.

— Без нее вам не пробиться во внутренние покои ордена, где скрывается этот человек в черном, — раздался в голове Цзян Ту тихий ментальный голос Сюэляня.

Цзян Ту не стал спрашивать, чью жизнь пришлось отнять ради этой добычи. Он лишь бегло осмотрел трофей и закрепил его на поясе.

Кот спрыгнул на землю, брезгливо отряхнул лапы и, обернувшись, беззвучно приоткрыл пасть. Его зеленые глаза сверкнули, призывая двигаться дальше.

В ночной тишине величественные чертоги Горы Просветленного Сердца казались зловещими исполинскими склепами. Их изогнутые карнизы, словно костлявые когти, тянулись к прокрадывающимся мимо путникам.

Цзян Ту шел вперед без тени страха. Мрачные тени отступали перед ним, словно сгорая в невидимом алом пламени его истинной сущности.

Они шли долго, петляя по безлюдным переулкам.

Наконец впереди показался широкий пустырь.

Цзян Ту сощурился, его зрачки на мгновение полыхнули багровым светом преисподней. Сквозь

эту призрачную завесу он различил множество смутных очертаний, заполнивших площадь, но разглядеть их отчетливее не удавалось.

Он не стал торопиться. Помедлив, Цзян Ту плавно развернулся и бросил взгляд назад.

Е Хуай мгновенно напрягся, потянувшись к эфесу меча. Он вгляделся в беспросветную мглу позади них, но ничего не заметил.

— Наставник, что там?

Цзян Ту отвернулся и бесстрастно обронил:

— Ничего.

Е Хуай нахмурился, чувствуя неладное, но расспрашивать дальше не посмел.

Цзян Ту уверенно шагнул на открытое пространство.

В ту же секунду воздух перед ними пошел тяжелой рябью. Защитный барьер, сила которого многократно превосходила возможности практикующих третьего ранга, мгновенно распознал незваного гостя. Пространство вокруг сжалось, грозя сокрушить кости любого, кто осмелится сделать еще шаг.

Однако смертоносное давление тут же испарилось. Золотая пластина на поясе Цзян Ту испустила мягкое сияние, принимая на себя весь гнев древней магии.

Она принадлежала кому-то из старших учеников ордена.

Лишь этот пропуск открывал путь во внутренние владения ордена.

Но у них была лишь одна пластина, а пропустить через барьер требовалось двоих.

Цзян Ту на секунду задумался, а затем поймал на себе растерянный взгляд Е Хуая.

Не говоря ни слова, он твердо перехватил опущенную руку юноши и медленно, но властно переплел свои пальцы с его пальцами.

Е Хуай ошеломленно уставился на их соединенные руки. Кровь с шумом прилила к его лицу, а щеки мгновенно вспыхнули густым румянцем.

«Они... они держатся за руки!»

<http://bllate.org/book/19047/2004904>